

СГОВОР С КИКИМОРОЙ

ИНОГДА ТИШИНА СТОИТ
БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮБОВЬ

VELIMIR ASHEN

Velimir Ashen
Сговор с Кикиморой

«Автор»

2026

Ashen V.

Сговор с Кикиморой / V. Ashen — «Автор», 2026

Иногда тишина страшнее крика. Когда в доме не смолкает плач младшего, а старший пятую ночь не спит, мир сужается до одного вопроса, заданного из темноты тихим, ровным голосом: «А если бы мог?» Что значит «малость» в качестве платы, выясняется не сразу. И не сразу понимаешь, что забывать своих, это тоже умение: через миски на столе, через игрушки в углу двора, через лицо, расплывающееся, как сквозь мутное стекло. «Сговор с Кикиморой» - это история о цене минутного желания, сказанного про себя, и о том, что некоторые потери начинаются не с исчезновения человека, а с исчезновения памяти о нём. Здесь почти нет волшебства в привычном смысле, только осока, тын и голос, который ничего не обещает дважды.

Содержание

До	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Velimir Ashen

Сговор с Кикиморой

До

Третий день отец ночевал на покосе, сено ждаться не будет, а августовское небо вот-вот обронит дождь. Мать к вечеру роняла голову на шитьё, не дошив и стежка. Это бы ничего, если бы в такие минуты из-за печной заслонки не начинал плакать Яр.

Плакал он не громко, а тонко, ровно и без перерыва, будто кто-то тянул нитку и никак не мог оборвать её.

Старший сидел у другого окна и чинил сеть. Девятый узел он развязывал и завязывал заново третий раз подряд и пятую ночь подряд он не спал, считая чужие вдохи: один, другой, третий и тот сон, что вот-вот подступал, отступал уходил.

К полуночи он вышел во двор не подышать, а только чтобы не слышать через стену хоть немного. У крыльца, свернувшись клубком, спал пёс, уже немолодая дворняга, которая давно ничего не сторожила, кроме собственного сна, почесала во сне ухо задней лапой и затихла снова.

Он сел на ступеньку. Думал ни о чём конкретном, голова была слишком пустой даже для жалости к себе. Хоть бы выспаться. Хоть бы тихо. Хоть бы...

- А если бы мог?

Голос пришёл из-за тына ровный, негромкий, без особого удара, будто спрашивающему было всё равно, ответят ему или нет. Он встал и обернулся. Тын был пустой, чёрный на чёрном, и за ним ничего, кроме осоки да далёкого, уже сонного лягушачьего хора.

Он постоял ещё немного, передёрнул плечами и вернулся в избу.

Перед тем как лечь, по привычке заглянул за печку посмотреть, уснул ли Яр. Уснул, неловко свернувшись, одной рукой вцепившись в край рубахи. Старший высвободил рубаху, стараясь не разбудить, и не сразу убрал руку.

Утром, обуваясь, нашёл в сапоге орех. Не первый уже раз, Яр прятал в его обувь то орехи, то камешки, то прошлогодние жёлуди, припасая что-то «на потом», смысл которого, наверное, не смог бы объяснить и сам. Он вытряхнул орех на ладонь, повертел и сунул в карман, не успев подумать зачем.

Через несколько дней мать попросила его свести Яра к кузнецу и отнести заказанные отцом серпы, а заодно хоть на час сбить с рук и младшего. У кузницы былолюдно: мужики, пара соседских парней, среди них та самая, на которую старший третий месяц старался не смотреть слишком долго. Именно ей, как назло, в этот день хотелось показать, что он уже не мальчишка, а вполне годный в дело человек.

Серпы он принёс, разговор почти завязался и тут Яр, дёрнув его за рукав, заплакал. Не от боли и не от испуга, захотел домой, и захотел сейчас же. Весь кузнечный двор обернулся посмотреть, кто это так воеет среди бела дня.

Соседский парень присвистнул и сказал что-то про нянек, которым давно пора замуж, все засмеялись, не зло, мимоходом, словно над чужой неловкостью, забывая о ней уже через минуту. Старший этой минуты не забыл. Он подхватил Яра на руки, развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь и не прощаясь, и щёки у него горели всю дорогу не от солнца.

Вечером во дворе мысль пришла уже без всякой пустоты в голове. Острая, обращённая в одну точку, да чтоб он замолчал хоть раз. Чтоб не мешал. Чтоб не позорил.

- А если бы мог?

Тот же голос, та же ровность, тот же тын. Он на этот раз не обернулся сразу, стиснул зубы и через пару мгновений всё же глянул через плечо. Никого, как и раньше. Осока, лягушки, темнота.

Третий раз случился не на людях.

Яр в ту ночь кричал особенно долго, так как зубы резались, так мать объясняла все подобные ночи, хотя её саму, как и в прежние разы, крик не разбудил. Старший держал его на руках, качал, ходил из угла в угол, и крик не утихал, а только заострялся.

В какой-то момент рука дёрнулась сама собой резко, коротко, в сторону, не к люльке, а от неё. Что она хотела сделать, стало ясно только через секунду, когда он уже отдёрнул её обратно и прижал к груди, будто обжёгся.

Он положил Яра, отступил на шаг и ещё на один. Руки тряслись не от усталости.

Во двор он выскочил почти бегом, как от огня.

Сел на ступеньку. Пёс у крыльца завозился, но не проснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.